и географических областей свидетельствует о большой распространенности и живучести его в древней Руси; он, очевидно, брался из обычного круга представлений. Какое наполнение он мог получать в фольклоре древней Руси, — об этом до известной степени можно судить по народно-поэтическим рассказам о змее и о черте, известным в позднейших, уже этнографических, записях. Генетическая связь этих рассказов с древнерусскими поэтическими представлениями о змее, отразившимися в летописях, не вызывает сомнений, — настолько ясно, что это явление одного ряда.

Образ огненного летающего змея, быстро мелькающего в небе и искрами рассыпающегося по земле во время падения, весьма часто встречается в русских народных рассказах, сказках, преданиях и заговорах. Народная фантазия связывает его появление, а особенно падение в определенном месте, с человеческим счастьем или горем. Приносимое упавшим в чей-либо двор змеем счастье — это богатство; приносимое им горе — это болезнь и смерть, чаще всего — девушки или молодой женщины.

Огненный летающий змей — насильник или обольститель; нельзя устоять перед его любовью. Прилетая к полюбившейся ему девушке или женщине, обычно — ночью, он оборачивается молодцом несказанной красоты, а утром улетает, вновь приняв свой обычный змеиный вид. „Как во граде Лукорье, — говорится в одном заговоре, — летел змей по поморию, града царица им прельщалася, от тоски по царе убивалася, с ним, со змеем, сопрягалася, белизна ее умалялася, сердце тосковалося, одному утешению предавалася — как змей прилетит, так ее и обольстит...“[1] Здесь даже видно отражение определенной сюжетной схемы, в которой развивались рассказы о летающем огненном змее: тоскующая по мужу

---

[1] Л. Майков. Великорусские заклинания. СПб., 1869, стр. 161. Подобные же мотивы в изобилии встречаются в русских народных сказках; см., напр.: А. Афанасьев „Народные русские сказки“, изд. 1913—1914 гг.: „каждый день летает к ней (девушке) змей; оттого и худа стала“ (т. III, стр. 64); „...вдруг деревья в лесу зашумели, крыша на избе пошатнулася — прилетел змей, ударился о сырую землю и сделался добрым молодцем“ (там же); „раз пошел дурак на охоту, а к сестре прилетел трехголовый змей; завелись у них шуры-муры“ (т. III, стр. 78)“; „...прилетает к реке Змей Горыныч; ударился о сыру землю и сделался таким молодцом да красавцем, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать“ (там же, стр. 80); змей „скинувшись молодым молодцом, удалым удальцом, хаживал к княгине-красавице“ (там же, стр. 84); „у эдакого-то короля повадился змей об двенадцати глав летать к дочери, всее ее извел, изсосал“ (т. IV, стр. 198); „вишь королевна-то любится с нечистым духом: каждую ночь прилетает он к ней по воздуху в виде шестиглавого змея и перекидывается человеком“ (там же, стр. 202) и проч. Ср. также: П. Якушкин. Путевые письма из Новгородской и Псковской губернии. СПб., 1860, стр. 119; В. Гнатюк. Знадоби до украінскої демонольогії, т. II. вып. 1, стр. 183—184, № 465 и стр. 190, № 471 (на стр. 263—264, вып. 2 — библиография), Етнографічний Збірник, т. XXXIII—XXXIV, у Львові, 1912; К легендам и поверьям о змеях. Сообщ. М. К. Васильева, Н. Пузырева. С. Шарова и др. Этн. обозр., 1897, 4, стр. 125—128.